

тить, что на этот факт обратила внимание и я, специально указав, как называется это орудие у современных тувинцев (стр. 61). О том, что вильчатые наконечники стрел существуют и в настоящее время, также говорится в моей статье, причем указываются их максимальные размеры и говорится, что некоторые из них употребляются в настоящее время для самострелов (стр. 61). Наконец, лук охотника на рис. 16 я по некоторым особенностям и по величине сравнивала сама с сибирскими луками XVII и XIX—XX вв. Само собой понятно, что все эти аналогии были приведены мной для поздней границы даты писаницы (XIX—XX вв.), а не для ранней (VIII в.).

Я не берусь судить, является ли «кремневое ружье» на рис. 15 ружьем, луком или чем-нибудь другим. Б. О. Долгих, к которому я обращалась за консультацией, также не решился определить этот предмет. Человек, который его держит, изображен не вполне реалистично — с этим, я думаю, согласится и Л. Р. Кызласов. Поэтому лучше было бы вообще не строить датировки писаницы на этом сомнительном предмете. Но даже если это и ружье, то это лишь подтверждает позднюю границу датировки писаницы и датирует данную отдельную фигуру XIX—XX вв.

О пятиконечных звездах вблизи рисунков мне, действительно, ничего не известно. Разумеется, если они есть, то относятся к самому последнему времени. Но в любом случае надо установить, как эти звезды связаны со всеми остальными изображениями.

Это обстоятельство мне хотелось бы здесь, как и в статье, подчеркнуть особо. Ведь и в письме Л. Р. Кызласова вся писаница из Тээли не датируется временем после Октябрьской революции на основании изображений пятиконечных звезд. Ведь и Л. Р. Кызласов счел нужным сказать, что она относится к числу тех изображений, которые являются «современными рисунками тувинцев конца XIX и начала XX в.», и что такие рисунки могут появляться и в дальнейшем. Следовательно, и Л. Р. Кызласов признает, что писаница, в отличие от кургана, не обязательно должна датироваться по наиболее позднему изображению, а может включать разновременные изображения, причем отдельные из них могут с уверенностью быть датированы только весьма длительным отрезком времени. Но если Л. Р. Кызласов хотел быть последовательным, то нижней датой писаницы он также должен был признать VIII в. н. э. — по первому появлению стрел с раздвоенным наконечником (о том, что они есть в северной Монголии, говорится в моей статье на стр. 61; можно думать, что их найдут и в Туве).

И, наконец, последнее. Никакими средствами Л. Р. Кызласову и другим сторонникам датировки писаниц, исполненных точечной техникой, исключительно тагарским временем, не удастся удержаться на этих позициях. Вопрос решается независимо от того, точками или краской нанесена писаница из Тээли. Против даты писаниц из Саглы временем около рубежа н. э. Л. Р. Кызласов не спорит. Но есть писаницы и из Минусинской котловины, исполненные точечной техникой и изображающие стол со скатертью, стул, людей с папиросами во рту, в кепках и т. д., даже надписи на русском языке. Ясно, что тагарцам эти предметы не были известны. Подчеркну еще раз: писаница тем и отличается от курганов и городищ, что ее «древности» у всех на виду и ничего не стоит воспроизвести ее технику (как это зачастую и делают наши современники).

Смысл и цель письма Л. Р. Кызласова — отстоять старую датировку всех исполненных точками писаниц тагарским временем. Это побуждает меня в ближайшее же время предпринять публикацию современных точечных писаниц.

Н. Л. Членова

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция журнала считает, что многие из критических замечаний высказанных Л. Р. Кызласовым в адрес автора статьи, правильны. Таковы замечания о дефектности использованных автором копий наскальных изображений и о необходимости целостного изучения всех петроглифов того или иного объекта; таковы важные поправки фактического порядка, которые Л. Р. Кызласов предложил к статье Н. Л. Членовой, введенной в заблуждение бывшим в ее распоряжении дефектным материалом.

В то же время в письме Л. Р. Кызласова имеется ряд необоснованных утверждений. Правильно критикуя положение Н. Л. Членовой о том, что точечная техника нанесения изображений якобы продолжает существовать вплоть до современности, он слишком категорично датирует эту технику только тагарским временем. Новейшие материалы свидетельствуют, что точечная техника существовала в Туве и в «скифо-сарматское» (VII в. до н. э. — первые вв. н. э.) и в древнетюркское (VII—VIII вв. н. э.), и даже в монгольское (XIII в.) время. (См. А. Д. Грач. Петроглифы Тувы. I, проблема датировки и интерпретации, этнографические традиции, «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XVII, 1957, стр. 385—428, табл. I—XXXII). Л. Р. Кызласов не вправе упрекать Н. Л. Членову за то, что ею не привлечены материалы Саяно-Алтайской экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР и Государственного исторического музея: в статье Л. А. Евтюховой и С. В. Киселева, на которую ссылается Л. Р. Кызласов, нигде не указано местонахождение копий, снятых этой экспедицией с соответствующих объектов, а в архивах ИИМК и ГИМ эстампажей действи-

тельно нет. Л. Р. Кызласов неправ и тогда, когда он говорит, что если бы Н. Л. Членова опубликовала писаницу из Тээли как современную, то этим она оказала бы «большую услугу советским этнографам». Установлено, что на скальная живопись такого рода в целом для современных тувинцев не характерна.

В своем ответе на письмо Л. Р. Кызласова Н. Л. Членова неправильно пытается изобразить его безоговорочным сторонником «примата техники» в датировке на скальных изображений. Судя по письму Л. Р. Кызласова, он разделяет точку зрения ряда советских археологов, полагающих, что датировку петроглифов определяет прежде всего стиль, смысловое содержание и сравнение с надежно датированными вещевыми сериями. Но, разумеется, нельзя оставлять в стороне и исследование техники нанесения изображений — невнимание к этому явилось одной из причин неточности, допущенной Н. Л. Членовой в отношении комплекса из района Тээли.
